

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СХЕМЫ И РЕЛЯТИВИЗМ: КРИТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ ДОНАЛЬДА ДЭВИДСОНА*

**Макеева Лолита
Брониславовна** –
доктор философских наук,
профессор. Национальный
исследовательский
университет «Высшая школа
экономики».
Российская Федерация,
105066, г. Москва,
ул. Старая Басманная,
д. 21/4;
e-mail: lmakeeva@hse.ru

**Смирнов Михаил
Алексеевич** – аспирант,
преподаватель.
Национальный исследова-
тельский университет
«Высшая школа экономики».
Российская Федерация,
105066, г. Москва,
ул. Старая Басманная,
д. 21/4;
e-mail: msmirnov@hse.ru

Идея концептуальных схем является одной из наиболее влия-
тельных и востребованных в современной философии. В рам-
ках аналитической традиции она занимает основополага-
ющее место как в позитивистских, так и в пришедших им
на смену постпозитивистских теориях. За пределами аналити-
ческой философии аналогичная идея играет ключевую роль
в структуралистских и постструктуралистских теориях. Несмот-
ря на это, точный смысл понятия концептуальной схемы
в контексте того или иного философского течения отнюдь
не всегда очевиден. Более того, с точки зрения американско-
го философа Дональда Дэвидсона, этому понятию в принципе
нельзя придать ясного, неметафорического, значения, что он
попытался обосновать в своей известной статье «Об идее
концептуальной схемы», опубликованной в 1974 г.

В настоящей статье мы, во-первых, представим краткий исто-
рико-философский обзор эволюции идеи концептуальных
схем, а во-вторых, детально рассмотрим дэвидсоновскую
критику в отношении как самой этой идеи, так и выросшего
на ее почве концептуального релятивизма, выявляя те допу-
щения, на которые эта критика опирается. Свою цель мы ви-
дим в том, чтобы, с одной стороны, оценить историко-филосо-
фское значение этой критики, а с другой стороны, показать,
что критические аргументы Дэвидсона и по сей день сохраня-
ют свою актуальность, ибо позволяют по-новому взглянуть
на саму суть идеи концептуальных схем и определить ее ме-
сто в решении фундаментального философского вопроса об от-
ношении между действительностью, мышлением и языком.

Ключевые слова: концептуальные схемы, язык, релятивизм,
Дональд Дэвидсон, истина, переводимость, дуализм схемы и
содержания, эмпиризм

* Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

CONCEPTUAL SCHEMES AND RELATIVISM: DONALD DAVIDSON'S CRITICAL ARGUMENTS

Lolita B. Makeeva –
DSc in Philosophy, professor.
National Research University
«Higher School of Economics».
Staraya Basmannaya St., 21/4,
Moscow, 105066,
Russian Federation;
e-mail: lmakeeva@hse.ru

Mikhail A. Smirnov –
post-graduate student,
lecturer.
National Research University
«Higher School of Economics».
Staraya Basmannaya St., 21/4,
Moscow, 105066,
Russian Federation;
e-mail: msmirnov@hse.ru

The idea of conceptual schemes is one of the most influential and widely used notions in contemporary philosophy. Within the analytic tradition the idea occupies a fundamental position in positivist views as well as in replacing them post-positivist conceptions. Outside the analytic tradition a similar idea is of key importance in structuralist and post-structuralist theories. Despite the broad applicability of the notion of a conceptual scheme, its precise sense is far from being evident in the context of various philosophical trends. Moreover, the well-known American philosopher Donald Davidson's position is that any clear, non-metaphorical meaning cannot be ascribed to that notion at all – the statement which he tried to substantiate in his famous paper *On the Very Idea of a Conceptual Scheme* published in 1974.

The present paper is aimed, firstly, at outlining the historico-philosophical evolution of the idea of conceptual scheme, concentrating on its development in logical positivism and post-positivist theories of such philosophers as Quine, Sellars, Kuhn, et al., and, secondly, at examining Davidson's criticism of both the idea and the position of conceptual relativism which was raised on its ground, revealing the assumptions which that criticism relies on and which concern relations between language and thought, truth and translation, as well as the role of the scheme-content dualism for empiricism and the place of extensionalism in semantics, etc. Our purpose, on the one hand, is to evaluate the historico-philosophical significance of Davidson's criticism; on the other hand, it is to show that his critical arguments remain to be actual since they shed a new light on the idea of conceptual schemes and allow us to determine their place in tackling the fundamental philosophical question of a relation between reality, thought and language.

Keywords: conceptual schemes, language, relativism, Donald Davidson, truth, translatability, dualism of scheme and content, empiricism.

§ 1. Идея концептуальных схем: становление и эволюция

В самом общем смысле концептуальную схему можно определить как систему понятий, достаточно богатую и разветвленную, чтобы обеспечивать мыслительную и познавательную деятельность как отдельного индивида, так и некоторого сообщества людей, и при этом выражаемую в том или ином языке. Проблема концептуальных схем имеет высокую философскую значимость в силу ее прямой связи с вопросом о том, насколько результаты мышления и познания определяются свойствами действительности, а насколько – средствами познания, включая язык.

В истории философии представлены различные позиции на этот счет. Те из них, которые допускают возможность в целом адекватного познания действительности «как таковой», традиционно обозначаются как *эпистемологический реализм*¹. Позиции же, согласно которым собственные свойства средств познания существенным образом определяют его результат, представляют *эпистемологический антиреализм*. Одним из источников последнего служит кантовский *трансцендентализм*.

Именно от трансцендентальной философии Канта ведет свое начало идея концептуальной схемы (хотя сам Кант не использовал термин «концептуальная схема»). Кантовская теория о том, что мир, как он воспринимается и познается нами, отчасти конституируется человеческими познавательными способностями, имела в качестве предпосылки различие между содержанием и тем, с помощью чего это содержание упорядочивается и организуется. По Канту, это упорядочение осуществляется с помощью априорных форм чувственности (пространства и времени) и априорных понятий – категорий, которые рассудок налагает на неконцептуализированную чувственную интуицию, осуществляя тем самым синтез чувственного многообразия.

Кант считал априорные формы познания универсальной характеристикой человека; это означает, говоря современным языком, что для него существовала лишь одна концептуальная схема, единая для всего человечества. При этом он не приписывал значимой роли в конституировании этой схемы языку. Младшие современники и последующие немецкие философы (Гаман, Гердер, Шлейермахер, Шлегель, фон Гумбольдт и др.), проявившие значительно больший интерес к культурно-историческим различиям между народами и видевшие в языке связующий фактор общественной жизни, сделали еще один шаг в развитии идеи концептуальной схемы: они признали существование разных способов упорядочения содержания человеческого опыта. Следствием этого шага стало возникновение идеи лингвистической относительности. Лингвистический поворот, осуществившийся в философии XX в., придал особую остроту и актуальность вопросу об отношении между языком и мышлением. Разработка идеи лингвистической относительности была продолжена в трудах Сепира и Уорфа², а также других авторов.

¹ Во избежание путаницы отметим, что совершенно в ином духе это понятие было истолковано Майклом Уильямсом, который связал его с признанием контекстно-зависимого характера знания, опосредованного множеством реалистически понимаемых эпистемологических факторов.

² Справедливости ради следует отметить, что исследователи прослеживают «родословную» идеи лингвистической относительности с более раннего периода: ее или близкие ей идеи можно обнаружить уже в работах Дж. Локка, Г.В.Ф. Лейбница, Дж. Вико, И.Г. Гамана, И.Г. Гердера и А. фон Гумбольдта. Поэтому сегодня эту идею предлагают именовать «гипотезой Вико, Гердера, Гумбольдта, Сепира и Уорфа» [Koerner, 2000].

Особую значимость идея концептуальной схемы приобрела в логическом позитивизме, получив наиболее яркое выражение в концепции языковых каркасов Карнапа. Свою задачу логические позитивисты видели в рациональной реконструкции научного знания на основе применения методов современной символической логики. Эта реконструкция, по их замыслу, была необходима для того, чтобы продемонстрировать, как получается из чувственного опыта знание, обладающее всеобщим характером и концептуальной широтой. Выявляемый в ходе реконструкции неэмпирический компонент знания представлял собой концептуальный каркас, охватывающий как теоретические термины и положения, так и процедуры их сведения к терминам наблюдения и протокольным предложениям.

Модель научного знания логических позитивистов имела ряд особенностей, которые определили и специфику понимания ими идеи концептуальной схемы. Во-первых, эта модель строилась на четком различении аналитических и синтетических истин. Соответственно, концептуальный каркас, или схема, скреплялись аналитическими предложениями логики и математики, которые, будучи тавтологиями, образовывали априорную и необходимую составляющую знания. Включенные в каркас теоретические термины и предложения трактовались в конвенционалистском или инструменталистском духе: они не несут информации о мире, и их главное назначение – осуществлять систематизацию, объяснение и предсказание эмпирического опыта.

Во-вторых, логические позитивисты стояли на позициях эпистемологического фундаментализма, согласно которому все знание основывается на некотором множестве непосредственно достоверных суждений. В эмпирическом варианте эпистемологического фундаментализма фундамент знания составляют суждения о когнитивных состояниях, возникающих при непосредственном контакте субъекта познания с действительностью. В логическом позитивизме такие суждения назывались протокольными предложениями, или базисными суждениями: согласно формулировке Альфреда Айера, «“базисные суждения” <...> указывают исключительно на содержание единичного опыта, и их достоверным подтверждением является наличие опыта, на который они указывают» [Ayer, 1946, p. 10].

В-третьих, в своей трактовке эмпирического базиса (как в ее раннем феноменалистическом варианте, так и в более поздних физикалистских версиях) логические позитивисты признавали нейтральность этого базиса по отношению к теоретическому знанию. Это означает, что при любых теоретических изменениях факты, описываемые языком наблюдения, остаются неизменными. Таким образом, если у Канта эмпирическое знание в принципе невозможно без организующей и синтезирующей деятельности разума, то для логических

позитивистов такое знание вполне может существовать в «чистом», не пронизанном теорией виде.

В-четвертых, логические позитивисты представляли развитие науки кумулятивистски, т.е. как процесс постепенного накопления знания. Возможность такого накопления, по их мнению, обеспечивается нейтральным эмпирическим базисом. В результате «каждое установленное протокольное предложение навечно ложится в фундамент науки; если некоторое предложение обосновано с помощью протокольных предложений, то оно прочно занимает свое место в пирамиде научного знания» [Никифоров, 1998, с. 25]. Отсюда следует, что различные концептуальные каркасы, или схемы, по-разному упорядочивают и систематизируют одно и то же эмпирическое «содержание», и поэтому их можно соотносить и сопоставлять друг с другом. Вместе с тем, отстаивая принцип терпимости, согласно которому каждый ученый свободен в выборе языка (логического каркаса), логические позитивисты, и прежде всего Карнап, признавали относительность истины и онтологии: решение вопроса о том, какие предложения считать истинными, зависит от выбранного языкового каркаса, который одновременно определяет и ответы на «внутренние вопросы существования». Осмысленными онтологическими вопросами являются только «внешние вопросы существования». Выбор же самого языкового каркаса, по мнению Карнапа, обуславливается не теоретическими, а практическими соображениями (удобством, эффективностью и т.п.).

Так или иначе, все перечисленные аспекты модели научного знания логических позитивистов подверглись острой критике последующими – постпозитивистскими – философами. Так, Куайн в своей статье «Две догмы эмпиризма» (1951) отверг два основных положения концепции логического эмпиризма – возможность четкого различения аналитических и синтетических истин и эпистемологический фундаментализм с его идеей редукции всего научного знания к его эмпирической основе. Уилфрид Селларс разоблачил другой «порок» логического позитивизма – представление о том, что фундаментом знания являются непосредственные данные «чистого» опыта, не пронизанные никакой концептуализацией. Обозначив это представление как «миф о данном», Селларс показал, что чувственные восприятия становятся «данными», только получив определенную интерпретацию в рамках той или иной теории. Эту же линию критики продолжили представители исторической школы в философии науки, в частности Кун и Фейерабенд, которые параллельно отвергли еще один постулат логического позитивизма – кумулятивизм. Согласно этим философам, развитие науки невозможно без периодических научных революций, коренных концептуальных перестроек всего массива научного знания, приводящих к смене научных парадигм. Никакого нейтрального, независимого от теорий эмпирического базиса,

обеспечивающего поступательный рост научного знания, просто не существует.

Однако любопытно отметить, что, какой бы развернутой и глубокой ни была упомянутая критика логического позитивизма, практически все постпозитивистские философы сохранили приверженность идее концептуальной схемы. Более того, они развили эту идею в направлении, усиливающим ее релятивистское прочтение. Если взять, к примеру, Куайна, то, хотя он считал, что все предложения науки, включая логику и математику, в той или иной степени обладают эмпирической нагрузкой и, стало быть, аналитических истин в традиционном понимании не существует, это не стало для него препятствием в разделении содержания и схемы, упорядочивающей это содержание. Конечно, отказ от аналитико-синтетического различия не позволяет четко отделить, как это было в случае Карнапа, выбор теории, подчиняющейся правилам соответствующего языкового каркаса, от выбора самого этого каркаса. У Куайна эти два выбора слиты воедино, и ученый осуществляет их одновременно, стремясь найти наилучшую теорию. Эта нераздельность концептуальной схемы и теории, формулируемой с ее помощью, является следствием холистской трактовки значения предложений, которое оказывается зависимым от контекста теории. Но, поскольку Куайн остается на позициях эмпиризма и верификационизма, пусть и в холистском его варианте (когда перед судом опыта предстают не отдельные предложения, а теории в целом), он, тем не менее, продолжает отождествлять значение предложений с подтверждающими их данными чувственного опыта³. Это дает возможность охарактеризовать содержание предложений в терминах имеющихся подтверждающих свидетельств и сопоставить его с теми аспектами и механизмами языка (аппаратом референции, множеством предикатов, выражающих понятия, правилами грамматики и т.п.), с помощью которых это содержание оформляется на более высоких структурных уровнях языка научной теории. Поэтому Куайн напрямую заявляет: «Как эмпирик, я продолжаю считать концептуальную схему науки инструментом для предсказания будущего опыта в свете прошлого опыта» [Куайн, 2000, с. 365]. Этот дуализм схемы и эмпирического содержания, отстаиваемый автором «Двух догм эмпиризма» и «Слова и объекта»,

³ У Куайна, как известно, «вместилищем» и эмпирического значения, и подтверждающих данных служат предложения наблюдения, что ведет к определенным трениям в их трактовке, поскольку приходится одновременно признавать и отрицать их зависимость от теории. В поисках компромисса Куайн вынужден был признать, что «рассмотренное голофрастически, как обусловленное стимуляторными ситуациями, предложение [наблюдения] является независимым от теории; рассмотренное аналитически, слово за словом, оно является теоретически нагруженным» [Quine, 1992, p. 7].

Дэвидсон впоследствии обозначил как «третью догму эмпиризма». Куайн отверг признаваемую Карнапом зависимость истины от концептуальной схемы. Однако, обосновывая тезисы о неопределенности перевода и непрозрачности референции, он сделал важный шаг в направлении концептуального релятивизма, понимаемого несколько иначе – как положения о возможности существования радикально различающихся концептуальных схем.

Впрочем, другие приверженцы идеи концептуальных схем, в частности Кун и Фейерабенд, не разделяли эмпиристских устремлений Куайна. Более последовательно отстаивая зависимость значения любых терминов и предложений от контекста теории, они сформулировали и более радикальный вариант концептуального релятивизма – в виде тезиса о несоизмеримости научных парадигм и, соответственно, связанных с ними концептуальных схем. Зависимость значения от теории означает, что изменение теории приводит к изменению значения используемых в этой теории языковых выражений, а если эти изменения глобальны, как это имеет место во время научных революций, то происходит коренная перестройка всей концептуальной схемы. В результате ученые разных парадигм, использующие одни и те же термины, по сути, говорят на разных языках. Более того, ученые не просто по-разному интерпретируют одни и те же реалии, они воспринимают разные реалии, смотря на мир «сквозь разные очки». Осуществляемая ими теоретическая интерпретация, вместе с тем, вторична по отношению к концептуальной схеме. Интерпретируемый воспринимаемый материал, сами факты определяются концептуальной схемой и не существуют без нее. Таким образом, концептуальный релятивизм трактуется не только в лингвистическом ключе, но и в терминах восприятия. В связи с этим стоит отметить, что в своей трактовке концептуальной схемы Кун и Фейерабенд в каком-то смысле вернулись к Канту. Исходя из того, что не существует и не может существовать чистого опыта, что любое наше восприятие изначально пронизано и оформлено понятиями и теориями, Кун и Фейерабенд прямо указали на невозможность четкого разделения концептуальной схемы и того, к чему она применяется. Каждая наша мысль и восприятие представляет собой неразложимое целое, и мы никогда не сможем получить доступ к тому, что предшествует концептуализации.

Таковы, в очень кратком изложении, основные представления о концептуальных схемах, сформировавшиеся в аналитической философии к началу 1970-х гг. Попутно отметим, что схожие идеи сыграли конституирующую роль и в структуралистских теориях, на которых мы, однако, останавливаться не будем.

§ 2. Дэвидсоновская критика идеи концептуальных схем

Итак, философская атмосфера начала 1970-х гг. характеризовалась практически всеобщим энтузиазмом по поводу идеи концептуальных схем. В 1974 г., однако, вышла статья американского философа Дональда Дэвидсона «Об идее концептуальной схемы»⁴, в которой автор попытался определить точный смысл, связываемый с этой идеей и с учением концептуального релятивизма. Статья задумывалась как своего рода «холодный душ» для апологетов теории концептуальных схем, поскольку, как отмечает автор в ее начале, в философии «вряд ли удастся прояснить идею, не лишив ее воодушевляющей силы» [Davidson, 1984, p. 183]. Его расчет оказался верен: после такой «экспликации» мода на концептуальный релятивизм быстро пошла на убыль.

Конечно, здесь сыграло роль и то обстоятельство, что Дэвидсон в этот период находился на пике своего творчества, принадлежа к немногочисленной группе влиятельных философов, определявших «повестку дня» в аналитической философии. Однако было бы абсолютно неверно представлять дело так, что в наши дни, когда идеи Дэвидсона уже не пользуются столь бесспорным авторитетом у современных философов, как раньше, его статья «Об идее концептуальной схемы» утратила свою ценность и злободневность. Являя собой образец философской критики, она может рассматриваться в одном ряду с такими работами, как «Две догмы эмпиризма» Куайна и «Структура научных революций» Куна: как и они, эта статья является одним из важных звеньев в развитии постпозитивистских идей, одновременно во многом выступая полемическим откликом на эти работы.

Хотя в 1993 г. вышел русский перевод этой статьи Дэвидсона [см. Грязнов, 1993], он, увы, прошел почти незаметно в отечественной философии. Отчасти это объясняется тем, что Дэвидсон слывет «автором, трудным для понимания» [Пассмор, 2002, с. 71]. Его аргументация, изощренная и сложно выстроенная, часто опирается на допущения и идеи, не разъясняемые автором, а потому требующие обращения к другим его работам. Это, безусловно, затрудняет чтение его трудов, но не должно быть непреодолимым препятствием для изучения идей одного из самых влиятельных и оригинальных аналитических философов второй половины XX в., тем более по проблеме, которая сохраняет свою актуальность и в XXI в. Вполне возможно,

⁴ Статья была опубликована в 1974 г. в периодическом издании «Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association», а затем перепечатана в 1984 г. в сборнике «Inquiries into Truth and Interpretation», который в русском переводе вышел в 2003 г. под названием «Истина и интерпретация».

что, поскольку в отечественной философии идея концептуального релятивизма не прошла «горнила» дэвидсоновской критики, она продолжает сохранять воодушевляющую силу. Хотя, справедливости ради, следует признать, что и в западной философии маятник качнулся в обратную сторону и сейчас противники современного реализма все чаще прибегают к аргументам, имеющим корни в концептуальном релятивизме. Поэтому настало время вспомнить критические аргументы Дэвидсона и еще раз внимательно перечитать его работу о концептуальных схемах. Выстраиваемая им критическая аргументация довольно сложно организована, поэтому имеет смысл обозначить ее основные шаги. Кроме того, чтобы оценить убедительность аргументов Дэвидсона, мы постараемся выявить ключевые допущения, на которые они опираются.

Главный объект критики для Дэвидсона – концептуальный релятивизм, с которым он связывает два тезиса – об относительности истины (ее зависимости от концептуальной схемы) и о возможности существования радикально различающихся (несоизмеримых) концептуальных схем. Однако, как видно по ходу изложения, в основном свои аргументы Дэвидсон выдвигает против второго тезиса. Развенчать концептуальный релятивизм он намерен путем демонстрации того, что сама идея концептуальной схемы, если ей отводится ключевая роль в отношении между мышлением, языком и миром, является внутренне несостоятельной и не может устоять перед внимательным анализом.

Для начала Дэвидсон обращается к вопросу определения концептуальных схем. Он отмечает, что обычно их характеризуют как «способы организации опыта», «системы категорий, с помощью которых данные чувственного восприятия обретают форму», «позиции, с которых личности, культуры и эпохи смотрят на происходящее вокруг» [Davidson, 1984, p. 183]. Однако для Дэвидсона подобные характеристики представляют собой скорее метафоры, чем строгие определения, поэтому свою первую задачу он видит в том, чтобы попытаться придать точный смысл понятию концептуальной схемы. По его мнению, это можно сделать, только определив концептуальную схему как множество взаимно переводимых языков.

На наш взгляд, данное определение опирается на допущение о неразрывной связи (можно даже сказать – тождественности) мышления и языка. Это допущение, с одной стороны, означает, что мыслить способны только те существа, которые владеют языком, а с другой, предполагает, что любое понятие и мысль, пришедшие в голову человеку, обязательно получают выражение в языке. Справедливости ради, следует отметить, что в других своих работах⁵ Дэвидсон порой

⁵ Так, скажем, в своей известной статье «Мышление и речь» («Thought and Talk», 1975) он пишет: «Ни язык, ни мышление нельзя полностью объяснить друг

высказывается в таком духе, что его слова можно понять как отрицание тождественности языка и мышления. Однако в рассматриваемой статье, не характеризуя напрямую связь между ними, он лишь указывает на несостоятельность двух альтернативных трактовок этой связи. Первая альтернатива – предположение о том, что и мышление, и язык обладают самостоятельными структурами, – ведет, по его мнению, к ненужному удвоению проблемы и к трудно разрешимому вопросу о том, какая из структур является определяющей. Второе же возможное предположение – о том, что структурой обладает только язык, а мышление свободно от понятий и категорий, – по сути, как отмечает Дэвидсон, лишает мышление тех его «качеств, которые, собственно, его конституируют» [Davidson, 1984, p. 185]. Исходя из признания американским философом единой структуры у мышления и языка, которая к тому же выполняет «конституирующую» роль в отношении первого, вполне можно допустить, что язык и мышление – это лишь две стороны одной медали.

Если принять определение концептуальной схемы как множества взаимно переводимых языков, то из него следует, что различия в концептуальных схемах двух языков возможны только в случае их непереводимости. Стало быть, концептуальный релятивизм, заявляющий о существовании разных концептуальных схем, может означать, по Дэвидсону, одну из двух вещей. Либо он означает признание существования частично непереводимых друг в друга языков (в случае если концептуальные схемы этих языков отчасти совпадают), либо он означает признание существования языков, для которых взаимный перевод вообще невозможен (в случае если они обладают радикально различающимися, или несоизмеримыми, концептуальными схемами). Таким образом, согласно Дэвидсону, вопрос о возможности существования радикально различающихся концептуальных схем сводится к вопросу о том, могут ли существовать полностью взаимно непереводимые языки.

Для Дэвидсона ни частичная, ни тем более полная непереводимость не могут иметь места по той простой причине, что они противоречат самой сути языка. С одной стороны, он исходит из того, что о наличии языка у тех или иных существ мы можем судить лишь на основании их поведения. С другой стороны, само восприятие определенного вида поведения как языкового с необходимостью предполагает, что мы можем его понять, а стало быть, можем усмотреть в нем выражение определенных убеждений, взглядов и т.п. Это означает, что мы можем сказать о существе, демонстрирующем языковое поведение, что оно считает то-то и то-то, что оно верит в то-то и то-то, и т.д., то есть мы можем приписать ему пропозициональные установки. Однако, как отмечает Дэвидсон, «маловероятно, что мы

через друга, и ни у того, ни у другого нет концептуального приоритета» [Davidson, 1984, p. 157].

могли бы осмысленно приписывать говорящему такие сложные установки, если бы не были способны перевести его слова на наш язык» [Davidson, 1984, p. 186]. Если же мы не способны осуществить такой перевод, то у нас нет никаких оснований считать этот вид поведения языковым. Отталкиваясь от этих соображений, Дэвидсон даже формулирует критерий принадлежности к языкам: быть языком значит быть переводимым на известное нам наречие.

Совершенно не сомневаясь в правильности указанного критерия, Дэвидсон, тем не менее, считает необходимым его обосновать. Его стратегия обоснования состоит в том, чтобы попытаться выявить точный смысл в метафорах, с помощью которых обычно выражается концептуальный релятивизм, и показать, что все эти метафоры с неизбежностью подразумевают взаимную переводимость языков.

Сначала Дэвидсон обращается к метафоре множественных миров, о которых говорят сторонники идеи концептуальных схем. По его мнению, эта метафора понимается ими по-разному – в зависимости от того, связывают ли они ее с признанием возможности четкого различия аналитических и синтетических истин или нет. Если сторонник идеи концептуальных схем, как, например, Питер Стросон, принимает аналитико-синтетическое различие, то в его представлении концептуальная схема – это общая для всего человечества система понятий с точно фиксируемыми значениями, и, хотя эта система соотносится с действительным миром, она могла бы соотноситься и с другими – возможными – мирами. Это могло бы произойти в том случае, если бы оказался истинным иной набор предложений, формулируемых в рамках этой схемы, т.е. если бы значения истинности были иначе распределены между предложениями. По Дэвидсону, в основе этой метафоры лежит различие понятия и содержания. По сути, здесь еще нет концептуального релятивизма, поскольку, согласно этой позиции, от концептуальной схемы зависит только истинность аналитических суждений, а истинность синтетических суждений определяется «устройством мира».

Однако, поскольку аналитико-синтетическое различие для Дэвидсона является дискредитированным благодаря убедительной критике Куайна, позиция сторонников концептуальных схем, принимающих это различие, не представляет для него большого интереса, и поэтому основное внимание он уделяет критике второго варианта метафоры множественности миров, который подразумевает отказ от данного различия. В отличие от первого варианта, где одна концептуальная схема соотносится с множеством (возможных) миров, в этом втором варианте предполагается, что на один и тот же мир смотрят с разных точек зрения. Так, у Куна ученые, принадлежащие к разным парадигмам, воспринимают мир «сквозь» разные концептуальные схемы, и в этом смысле «живут в разных мирах».

В отношении этого второго варианта концептуального релятивизма Дэвидсон высказывает два важных соображения. Во-первых, он отмечает, что отказ от аналитико-синтетического различия повлек существенное изменение в теории значения, которое мы могли бы обозначить как переход от семантического атоизма к холизму, и при этом семантический холизм был истолкован многими философами как зависимость значения от контекста теории. Во-вторых, с его точки зрения, отказ от аналитико-синтетического различия, по сути, означал лишь отказ от определенной концепции значения, но отнюдь не отказ от идеи эмпирического содержания, ибо он означал лишь признание невозможности однозначного распределения эмпирического содержания между предложениями. Таким образом, заключает Дэвидсон, второй вариант метафоры множественности миров опирается на дуализм концептуальной схемы в целом и неинтерпретированного содержания, или, говоря кратко, на дуализм схемы и содержания.

Зависимость значения от контекста теории означает, что при смене теории значение одного и того же предложения может радикально измениться, а стало быть, может измениться и его истинностное значение. Поскольку правила установления истины признаются зависимыми от парадигм (концептуальных схем), на этом основании в конечном счете делается «потрясающее открытие» – о концептуальной относительности истины. Дэвидсон стремится поставить под сомнение правомерность этого «открытия». Не стоит ли за ним тот тривиальный факт, что истинность предложения, среди прочих вещей, зависит и от языка, на котором оно сформулировано? Ответ на этот вопрос требует тщательного анализа дуализма схемы и содержания, к чему Дэвидсон и приступает, но прежде он определяет этот дуализм как третью догму эмпиризма – вдобавок к тем двум догмам (аналитико-синтетическому различию и редукционизму), которые подверг критике Куайн.

Примечателен тот факт, что именно Куайн, стремясь сформулировать более адекватный вариант эмпиризма, заложил в его основу дуализм схемы и содержания в том его виде, который Дэвидсон подверг критике, объявив не просто третьей, но и последней догмой эмпиризма. По его мнению, отказ от этой догмы полностью выхолостит содержание эмпиризма как философской концепции. Это, безусловно, очень сильное и, как выяснилось, не оправдавшее себя заявление. Даже если дуализм схемы и содержания (во всяком случае, в том виде, как его истолковал Дэвидсон) действительно является несостоятельным, это не убедило философов в бессодержательности эмпиризма и не стало препятствием для попыток иначе осмыслить отношение между опытом и концептуальной схемой⁶.

⁶ Такие попытки неоднократно предпринимались, и, видимо, наиболее интересное решение было предложено Джоном Макдауэллом в его книге «Разум и мир» (см. [McDowell, 1994]).

С точки зрения Дэвидсона, дуализм схемы и содержания предполагает, что в качестве содержания выступает нечто общее и неинтерпретированное, что лежит вне концептуальных схем, не зависит от них, но в отношении чего концептуальные схемы выполняют определенные функции. Рассмотрев различные формулировки этого дуализма (у Куайна, Уорфа, Куна и Фейерабенда), Дэвидсон заключает, что это общее содержание, как правило, характеризуется в них либо как «реальность» (вселенная, природа, мир), либо как «опыт» (чувственные данные, поверхностные раздражения, данное). Что касается функций, выполняемых концептуальными схемами, то здесь, по его мнению, сторонники дуализма схемы и содержания находятся в плену двух основных метафор: концептуальные схемы либо организуют, систематизируют и разделяют опыт (или мир), либо согласуются с ним, предстают перед ним, предсказывают его.

В своем анализе Дэвидсон стремится показать, что ни метафоре организации, ни метафоре соответствия нельзя придать ясного смысла, если не допустить, что концептуальные схемы, выполняющие указанные функции, принадлежат к взаимно переводимым языкам, т.е. переводимость является необходимым условием для придания смысла этим метафорам.

Согласно метафоре организации концептуальные схемы являются именно тем, что привносит структуру и сложность в мир или опыт, которые своей собственной структурой и сложностью не обладают. Возражая против этого тезиса, Дэвидсон говорит, что если концептуальные схемы что-то организуют, то они должны организовывать что-то множественное, что-то такое, что уже поделено на какие-то части. «Мы не можем придать ясного значения понятию организации единичного объекта (мира, природы и т.п.), если только этот объект не понимается как содержащий другие объекты или состоящий из них» [Davidson, 1984, p. 192]. Если это так, то каждый язык должен располагать определенными простыми предикатами, позволяющими выделять «элементарные» объекты, упорядочиваемые концептуальными схемами. Конечно, множества простых предикатов в разных языках могут не совпадать, но они должны содержать некоторую общую часть, которую Дэвидсон обозначает как «общую онтологию» этих языков, состоящую из понятий, индивидуализирующих одни и те же объекты. Не будь этой общей части, люди, говорящие на разных языках, были бы просто неспособны зафиксировать имеющиеся различия между их языками, ибо заметить подобные различия можно только при наличии, в виде фона, этой общей части. И даже если для того, чтобы сказать, какой класс предметов вычленяется некоторым предикатом другого языка, отсутствующим в нашем языке, мы вынуждены изобретать довольно неуклюжие формулировки, это лишнее раз свидетельствует о взаимной переводимости

языков. Таким образом, метафора организации не может быть основанием для признания существования радикально различающихся концептуальных схем, ибо она предполагает возможность перевода одной схемы в другую.

Согласно Дэвидсону, вторая метафора – метафора соответствия или согласования – имеет отношение уже не к отдельным словам и словосочетаниям («референциальному аппарату» языка), а к целым предложениям, поскольку именно предложения (в составе некоторой теории) согласуются с данными опыта, предстают перед судом опыта, соответствуют фактам, предсказывают будущий опыт и т.п. К тому же именно предложения могут быть истинными и ложными, поэтому метафора соответствия имеет прямое отношение к тому, как следует понимать истину. Конечно, отмечает Дэвидсон, согласие с имеющимися данными еще не гарантирует истинности теории, но разговор об истине здесь вполне правомерен, поскольку если теория согласуется со всеми возможными чувственными свидетельствами (прошлыми, настоящими и будущими), то такую теорию следует признать истинной.

Согласно концептуальному релятивизму, две теории, сформулированные на взаимно непереводаемых языках с использованием несоизмеримых концептуальных схем, могут одинаково хорошо согласовываться с опытом или фактами и считаться поэтому «по большей части истинными, но не переводимыми». Эта метафора соответствия не устраивает Дэвидсона прежде всего тем, что в ней постулируются сущности (поверхностные раздражения, опыт, вещи и т.п.), которым должны соответствовать истинные теории, но которые, по его мнению, ничего не разъясняют в природе истины. В лучшем случае ссылки на чувственный опыт и т.п. позволяют лишь понять источник и природу тех данных (свидетельств – evidence), от которых зависит истинность предложений и теорий, поэтому нет никакой необходимости вводить эти дополнительные сущности в нашу онтологию. По словам Дэвидсона, «ничто, никакая вещь не делает предложения и теории истинными: ни опыт, ни поверхностные раздражения, ни мир не могут сделать предложение истинным» [Davidson, 1984, p. 194]. Конечно, об этих данных, признает американский философ, мы можем говорить как о «фактах», но лучше обойтись и без упоминания фактов⁷, ибо, с его точки зрения, оптимальным образом отношение между предложением и данными в его пользу выражается *Конвенцией Т* Тарского. Более того, *Конвенция Т*, согласно Дэвидсону, раскрывает то маскируемое

⁷ Как отмечает Дэвидсон в статье «Истинно относительно фактов», поскольку мы, как правило, не можем выделить факт, верифицирующий некоторое данное предложение, не используя самого этого предложения, это означает, что, «пока мы не найдем иного способа различения фактов, мы не можем надеяться на объяснение истины с их помощью» [Davidson, 1984, p. 243].

идеей «соответствия» обстоятельство, что понятие истины необходимым образом связано с понятием перевода. Эта идея создает впечатление, что мы можем обладать – применительно к языку – понятием истины, которое не зависит от понятия перевода. Но для Дэвидсона ничто лучше не передает, что означает истинность некоторого предложения, чем *Конвенция T* Тарского, в которой существенную роль как раз и играет понятие перевода.

Как известно, Тарский продемонстрировал, как построить семантическое определение предиката «истинно» для формальных языков, и в его концепции *Конвенция T* выражает критерий материальной адекватности такого определения. Так, согласно этой конвенции, определение «истинно» для некоторого языка L будет материально адекватным, если из него для каждого предложения s в L будет следовать теорема «“ s ” истинно, если и только если p », где “ s ” является именем предложения s , а p – переводом этого предложения в метаязык L^* в случае, если метаязык не представляет собой расширения объектного языка; если же метаязык является простым расширением объектного языка, то p будет тем же самым предложением s .

Оценивая данный аргумент против метафоры соответствия, следует принять во внимание два момента. Во-первых, хотя Дэвидсон неоднократно отмечал, что *Конвенция T* Тарского «воплощает наше лучшее понимание того, как используется понятие истины» [Davidson, 1984, p. 195], в его работах можно найти и иную трактовку истины – как примитивного неопределяемого понятия, которое интуитивно понятно любому, кто владеет языком. По сути, эта вторая трактовка лежит в основе выдвинутого Дэвидсоном проекта создания систематической теории значения, в котором *Конвенция T* используется как способ задания значения предложений (через указание их условий истинности). Дэвидсон как бы «перевернул» семантическую концепцию истины Тарского «с ног на голову»: если задача Тарского состояла в том, чтобы определить предикат «истинно», то Дэвидсон применил инструментарий этой концепции для формулировки теории значения, взяв понятие истины в качестве исходного и неопределяемого. Здесь можно усмотреть определенную непоследовательность, поскольку неясно, то ли истина зависит от понятия перевода, то ли понятия значения, перевода и т.п. истолковываются на основе понятия истины.

Во-вторых, за трактовкой Дэвидсоном понятия истины (и как зависимого от понятия перевода, и как неопределяемого) стоит стремление реализовать экстенциональный подход в семантике. Но если отказаться от принципов строгого экстенционализма, то отпадает и потребность ограничивать себя столь «аскетическими» средствами в осмыслении истины и онтологии. Ведь именно возможность не прибегать к идее «соответствия фактам» (как неким онтологическим

сущностям, с которыми согласуются наши предложения) лишает, по мнению Дэвидсона, метафору соответствия ее *raison d'être*. Стало быть, если снять налагаемое экстенционализмом ограничение, то и построенный на этом ограничении критический аргумент Дэвидсона отчасти теряет свою силу.

Показав несостоятельность радикальных форм концептуального релятивизма, основанных на идее о полной непереводаемости языков, Дэвидсон обращается в заключительной части статьи к более умеренным вариантам, предполагающим лишь частичную непереводаемость. Главное его возражение состоит в том, что если мы допускаем, что какие-то предложения нашего языка можно перевести на другой язык, а какие-то – нельзя, то мы опираемся на ошибочное представление о том, как осуществляется интерпретация речевой деятельности.

Во-первых, для правильного понимания интерпретации речевой деятельности, согласно Дэвидсону, необходимо осознать взаимозависимость значений и убеждений: нельзя приписать значения предложениям, произносимым носителями неизвестного нам языка, одновременно не приписав им определенных убеждений, мыслей и иных пропозициональных установок. В ситуации «радикальной интерпретации», когда нельзя воспользоваться ни словарями, ни помощью билингвов, эта взаимозависимость ставит интерпретатора перед крайне сложной задачей – «решить уравнение с двумя неизвестными», т.е. установить значения произносимых слов и определить, каких взглядов придерживаются носители изучаемого языка, имея в своем распоряжении лишь наблюдаемое вербальное поведение. Сходные задачи, пусть и не столь драматически сложные, полагает Дэвидсон, решают и участники повседневной коммуникации, говорящие на одном языке.

Во-вторых, согласно Дэвидсону, указанные задачи можно решить только одним способом – приняв, в качестве ключевого, принцип доверия, который требует от интерпретатора приписывать говорящим только те убеждения, которые по большей части являются истинными и с которыми он сам согласен. При этом нужно учитывать различия в эпистемических ситуациях интерпретатора и интерпретируемых, поскольку только ими можно оправдать приписывание говорящим ложных мнений. Таким образом, принцип доверия позволяет объяснить интерпретацию речевой деятельности, и при этом он не связан с (безосновательным!) допущением изначального наличия некоторого набора общих значений у двух разных языков, как это предполагается в гипотезе о частичной непереводаемости, поскольку все значения оказываются в равных условиях и поэтому, в принципе, все они могут быть переведены. Сам же принцип доверия обосновывается Дэвидсоном с помощью своего рода трансцендентального аргумента: различия во взглядах (или в концептуальных схемах) можно

выявить лишь на фоне их обширного совпадения. Впрочем, и в этом случае ключевое место, которое Дэвидсон отводит принципу доверия в интерпретации речевой деятельности, обусловлено его стремлением объяснить значения языковых выражений исключительно в несемантических и неинтенциональных терминах.

Дэвидсон завершает свою критику концептуального релятивизма неожиданным, хотя и вполне логичным выводом: нельзя обосновать не только тезис о наличии разных концептуальных схем у носителей разных языков, но и обратный тезис – о существовании одной, единой для всех языков концептуальной схемы. При этом Дэвидсон уверен, что, только отказавшись от дуализма схемы и содержания, мы можем претендовать на объективность наших истин о мире.

§ 3. Итоги

Итак, идея концептуальных схем на протяжении десятилетий находится в центре философских дискуссий⁸, связанных с фундаментальным вопросом об отношении между действительностью, мышлением и языком. В этом нет ничего удивительного, поскольку понятие концептуальной схемы, во-первых, обращено к мышлению, фиксируя его структуру в виде сложных сетей концептов и понятий, во-вторых, образует неотъемлемую характеристику языка, а в-третьих, оказывается весьма востребованным в рассуждениях о влиянии языка на восприятие и понимание человеком окружающего мира. При этом именно идея концептуальных схем стала основой для новых форм релятивизма и скептицизма, возникших в XX в., завоевав себе многочисленных почитателей и превратившись в некотором смысле в философскую моду.

Выше мы рассмотрели критические доводы Дэвидсона против концептуального релятивизма и допущения, на которые они опираются. Эти доводы серьезно пошатнули репутацию концептуального релятивизма. Это проявилось, например, в том, что философы стали более сдержанно и скептически оценивать философскую значимость гипотезы лингвистической относительности Сепира и Уорфа, и в том, что в поздних работах Куна практически сошло на нет обсуждение

⁸ Стоит отметить, что в дискуссии о концептуальных схемах и их критике Дэвидсоном приняли участие многие известные философы. См., к примеру, [Rescher, 1980; Quine, 1981; Putnam, 1987; Popper, 1987; Hacker, 1996; McDowell, 1999]. И хотя вал публикаций по этой теме пришелся на 1980-е и 1990-е гг., до сих пор ее обсуждение не сходит со страниц философских журналов и монографий. См. [Marmol, 2007; Glock, 2009; Wang, 2009; Taylor, 2011; Henderson, 2013; Engle, 2016; Lynch, 2018].

несоизмеримости научных парадигм. По сути, концептуальный релятивизм перестал быть философской модой.

Однако своей критикой Дэвидсону не удалось полностью вытеснить из философского обихода идею концептуальной схемы. Сегодня эта идея сохраняет актуальность и в онтологии, и в эпистемологии, и в философии сознания. Не помешала эта критика и тому, что такие работы, как «Две догмы эмпиризма» Куайна и «Структура научных революций» Куна, приобрели статус философской классики и по сей день во многом определяют философскую повестку.

Конечно, к настоящему времени в философии очень многое изменилось. Актуальные для Дэвидсона концепции – касающиеся отношения между мышлением и языком, значения экстенционализма для семантики, связи понятий истины, значения и перевода, роли метафор в философском рассуждении – утратили свои позиции; поэтому опирающиеся на них критические доводы уже не воспринимаются как убедительные на все сто процентов. Однако это не лишает их значимости в современном философском контексте. Напротив, есть основания полагать, что статья Дэвидсона о концептуальных схемах несет в себе немалый потенциал, который можно использовать для дальнейшего развития философского знания. Рассуждения Дэвидсона позволяют по-новому взглянуть на общепринятые и не столь заметные, но, возможно, не менее спорные допущения, которые связаны с идеей концептуальной схемы как таковой или с некоторыми амбициозными философскими построениями на ее основе. Есть надежда, что, следуя этим путем, мы выйдем на новый уровень осмысления понятий истины и переводимости, языка и теории, а также связи между ними.

Список литературы

Грязнов, 1993 – Аналитическая философия: избранные тексты / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. 181 с.

Куайн, 2000 – Куайн У. Две догмы эмпиризма // Куайн У. Слово и объект / Пер. с англ. Т.А. Дмитриев, А.З. Черняк. М.: Праксис, 2000. С. 342–367.

Никифоров, 1998 – Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 280 с.

Пассмор, 2002 – Пассмор Дж. Современные философы / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 192 с.

Ayer, 1946 – Ayer A.J. Language, Truth and Logic / 2nd ed. L.: V. Gollancz, 1946. 175 pp.

Davidson, 1984 – Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 1984. 326 pp.

Engle, 2016 – Engle J. The Language of the Gods: An Analysis of the Possibility of Conceptual Schemes // ETC: A Review of General Semantics. 2016. Vol. 73. No. 1. P. 110–117.

Glock, 2009 – *Glock H.-J.* Concepts, Conceptual Schemes and Grammar // *Philosophia*. 2009. Vol. 37. No. 4. P. 653–668.

Hacker, 1996 – *Hacker P.M.S.* On Davidson's Idea of a Conceptual Scheme // *The Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 46. No. 184. P. 289–307.

Henderson, 2013 – *Henderson D.* Conceptual Schemes // *A Companion to Donald Davidson* / E. Lepore, L. Kirk (eds.). Malden (MA): Wiley Blackwell, 2013. P. 300–313.

Koerner, 2000 – *Koerner E.F.K.* Towards a 'full pedigree' of the 'Sapir-Whorf Hypothesis': From Locke to Lucy // *Explorations in Linguistic Relativity* / Putz M., Verspoor M. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2000. P. 1–25.

Lynch, 2018 – *Lynch G.* What Does Davidson Reject When He Rejects Conceptual Schemes? // *Acta Analytica: International Periodicals for Philosophy in the Analytical Tradition*. 2018. Vol. 33. No. 4. P. 463–481.

Marmol, 2007 – *Marmol J.C.* Conceptual Schemes and Empiricism: What Davidson Saw and McDowell Missed // *Theoria: An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*. 2007. Vol. 22. No. 2. P. 153–165.

McDowell, 1994 – *McDowell J.* *Mind and World*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1994. 224 pp.

McDowell, 1999 – *McDowell J.* Scheme-Content Dualism and Empiricism // *The Philosophy of Donald Davidson* / L.E. Hahn (ed.). Illinois: Open Court Publishing, 1999. P. 87–105.

Popper, 1987 – *Popper K.* The Myth of the Framework // *Rational Changes in Science: Essays on Scientific Reasoning* / J.C. Pitt, M. Pera (eds.) // *Boston Studies in Philosophy of Science*. 1987. Vol. 98. P. 35–62.

Putnam, 1987 – *Putnam H.* Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism // *Dialectica*. 1987. Vol. 41. No. 1–2. P. 69–77.

Quine, 1981 – *Quine W.V.O.* On the Very Idea of a Third Dogma // *Quine W.V.O. Theories and Things*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1981. P. 38–42.

Quine, 1992 – *Quine W.* *Pursuit of Truth*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1992. 128 pp.

Rescher, 1980 – *Rescher N.* Conceptual Schemes // *Midwest Studies in Philosophy*. 1980. Vol. 5. No. 1. P. 323–346.

Taylor, 2011 – *Taylor K.* Conceptual Relativism // *A Companion to Relativism* / S.D. Hales (ed.). Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2011. P. 159–178.

Wang, 2009 – *Wang X.* On Davidson's Refutation of Conceptual Schemes and Conceptual Relativism // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 90. No. 1. P. 140–164.

References

Gryaznov, A.F. (ed.). *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty* [Analytic Philosophy: Selected texts] Moscow: Izbatelstvo MGU, 1993. 181 pp. (In Russian)

Ayer, A.J. *Language, Truth and Logic*. 2nd ed. London: V. Gollancz, 1946, 175 pp.

Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Oxford University Press, 1984, 326 pp.

Engle, J. "The Language of the Gods: An Analysis of the Possibility of Conceptual Schemes", *ETC: A Review of General Semantics*, 2016, vol. 73, no. 1, pp. 110–117.

Glock, H.-J. "Concepts, Conceptual Schemes and Grammar", *Philosophia*, 2009, vol. 37, no. 4, pp. 653–668.

Hacker, P.M.S. "On Davidson's Idea of a Conceptual Scheme", *The Philosophical Quarterly*, 1996, Vol. 46, No. 184, pp. 289–307.

Henderson, D. "Conceptual Schemes", in: Lepore E., Kirk L. (eds.). *A Companion to Donald Davidson*. Malden (MA): Wiley Blackwell, 2013, pp. 300–313.

Koerner, E.F.K. "Towards a 'Full Pedigree' of the 'Sapir-Whorf Hypothesis': From Locke to Lucy", in: Putz M., Verspoor M. (eds.). *Explorations in Linguistic Relativity* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2000, pp. 1–25.

Lynch, G. "What Does Davidson Reject When He Rejects Conceptual Schemes?", *Acta Analytica: International Periodicals for Philosophy in the Analytical Tradition*, 2018, vol. 33, no. 4, pp. 463–481.

Marmol, J.C. "Conceptual Schemes and Empiricism: What Davidson Saw and McDowell Missed", *Theoria: An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*, 2007, Vol. 22, No. 2, pp. 153–165.

McDowell, J. *Mind and World*. Cambridge (MA.): Harvard University Press, 1994. 224 pp.

McDowell, J. "Scheme-Content Dualism and Empiricism", in: Hahn L.E. (ed.). *The Philosophy of Donald Davidson*. Illinois: Open Court Publishing, 1999, pp. 87–105.

Nikiforov, A.L. *Filosofiya nauki: istoriya i metodologiya* [Philosophy of Science: History and Methodology]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 1998, 280 pp. (In Russian)

Passmore, J. *Sovremennye filosofy* [Recent Philosophers], trans. by Makeeva L.B. Moscow: Ideya-Press, 2002, 192 pp. (In Russian)

Popper, K. "The Myth of the Framework", in: Pitt J.C., Pera M. (eds.). *Rational Changes in Science: Essays on Scientific Reasoning*. Boston Studies in Philosophy of Science, 1987, vol. 98, pp. 35–62.

Putnam, H. "Truth and Convention: On Davidson's Refutation of Conceptual Relativism", *Dialectica*, 1987, Vol. 41, No. 1–2, pp. 69–77.

Quine, W.V.O. "Dve dogmy empirizma" [Two Dogmas of Empiricism], in: Quine W.V.O. *Slovo i ob'ekt* [Word and Object], trans. by Dmitriyev, T.A., Chernyak, A.Z. Moscow: Praxis, 2000, pp. 342–367. (In Russian)

Quine, W.V.O. "On the Very Idea of a Third Dogma", in: Quine W.V.O. *Theories and Things*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1981, pp. 38–42.

Quine, W. *Pursuit of Truth*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1992, 128 pp.

Rescher, N. "Conceptual Schemes", *Midwest Studies in Philosophy*, 1980, vol. 5, no. 1, pp. 323–346.

Taylor, K. "Conceptual Relativism", in: Hales, S.D. (ed.). *A Companion to Relativism*. Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2011. pp. 159–178.

Wang, X. "On Davidson's Refutation of Conceptual Schemes and Conceptual Relativism", *Pacific Philosophical Quarterly*, 2009, vol. 90, no. 1, pp. 140–164.